

Мы — туристы.
В итоге я с этим смирилась. Мы с мужем никогда не принадлежали к числу тех, кто путешествует ради обогащения ума. Мы искали развлечений — Уики-Уочи, Гатлинбург, “К югу от границы”*, озеро Джордж, Рок-Сити**, “Уолова лавка”***. Плазели на плавающих свиней и лошадей, видели русский дворец из кукурузы, девушек, пьющих под водой пепси-колу из семиунциевых бутылочек, Лондонский мост посреди пустыни, какаду, который ехал на велосипеде по натянутому канату.

Наверное, мы всегда это знали.

И это путешествие, наше последнее, спланировано — что вполне уместно — в последнюю минуту. Привилегия пенсионеров. Я рада, что отважилась, хотя все — и врачи, и дети — пытались нам это запретить. “Элла, я категорически, категорически возражаю про-

* “К югу от границы” — парк аттракционов в Диллоне, штат Южная Каролина. — *Здесь и далее примеч. перев.*

** Рок-Сити — аттракцион в Лукаут-Маунтин, штат Джорджия.

*** “Уолова лавка” (*Wall Drug*) — торговый центр в городе Уолл (штат Южная Дакота), привлекающий около 2 млн туристов в год.

тив любых поездок”, — заявил доктор Томашевски, один из сотни постоянно крутящихся вокруг меня врачей, стоило намекнуть, что мы с мужем подумываем об этом. А когда я обмолвилась в разговоре с дочерью, что хотела бы выбраться куда-нибудь на выходные, она пустила в ход тон, более уместный при дрессировке непослушного щенка: “Нельзя!”

Но нам с Джоном передышка была необходима как никогда. К тому же врачи удерживали меня только затем, чтобы делать бесконечные анализы, тыкать в меня холодными железками, высвечивать затемнения внутри. Этим они уже вдоволь натешились. Да и дети, при всей их искренней о нас заботе, напрасно вмешиваются. Генеральная доверенность еще не означает, что они распоряжаются нашей жизнью.

У вас, наверное, тоже вертится на языке вопрос: разумно ли это? Двое злосчастных стариканов, у одной больше проблем со здоровьем, чем у населения страны третьего мира, другой в маразме и не помнит, какой нынче день, — в трейлере через всю страну?

Не глупите. Само собой, идея не из лучших.

Мистер Амброз Бирс, чьими страшными рассказами я зачитывалась в детстве, в семьдесят с лишним лет надумал отправиться в Мексику. Оттуда он писал: “Естественно, вполне возможно и даже весьма вероятно, что я не вернусь. Места здесь чужие, так что всякое случается”. Еще он писал: “Это лучше старости, болезни или падения в погреб”. Как человек, близко знакомый со всеми тремя, от души поддерживаю старину Амброза.

Попросту говоря, терять нам нечего, вот я и решила действовать. Наш маленький “Искатель приключений” был полностью оснащен и на ходу. Мы его постоянно держали в готовности с тех пор, как Джон вышел на пенсию. Я заверила детей, что ни о какой поездке и речи не идет, а затем похитила своего мужа Джона и мы отправились в Диснейленд. Сколько раз мы возили туда детей, потому и предпочитаем это место всем прочим. Как-никак мы добрались до той поры жизни, когда уподобились детям. Особенно Джон.

Из окрестностей Детройта, где мы прожили всю жизнь, мы начали продвигаться на запад. Пока все тихо и мирно. Струя воздуха, врываясь в приоткрытое окно, шуршит, словно плотный шелк, и все больше миль отделяет нас от наших старых “я”. Разум прояснился, боли отступили, тревоги испарились — по крайней мере, на час-другой. Джон не произнес пока ни слова, но рулит, мне кажется, с большим удовольствием. День у него выдался спокойный.

Примерно через три часа мы останавливаемся на первую ночевку в небольшом курортном городишке, подающем себя как “поселок художников”. Въехав в город, натыкаешься в тени вечнозеленых растений на палитру величиной с бассейн для малышни, каждое красочное пятно снабжено цветной лампочкой-подсветкой того же оттенка. Рядом надпись:

СОГАТАК

Здесь мы без малого шестьдесят лет назад провели медовый месяц в пансионе мисс Миллер, теперь

давно уж сгоревшем. Тогда мы приехали на “Грейхаунде”. Такой вот у нас был медовый месяц: смотаться на автобусе в Западный Мичиган. Больше ничего себе позволить не могли, но и тем натешились вполне (ах, преимущество молодости — всё было внове).

Зарегистрировавшись на стоянке трейлеров, мы немного, насколько у меня хватает сил, гуляем вдвоем по городу, наслаждаемся остатком дня. Мне очень приятно вновь попасть сюда вместе с мужем спустя так много лет. Миновало по меньшей мере три десятилетия с нашего последнего визита, но, на удивление, город почти не изменился: повсюду кондитерские, галереи, кафе-мороженое и антикварные магазинчики. И парк на прежнем месте. Многие старинные здания уцелели и даже неплохо выглядят. Странно, что у городских властей не возникло желания все снести и отстроить заново. Должно быть, понимают: отправляясь в отпуск, люди стремятся в знакомые места, которые вроде бы все еще принадлежат им, пусть и на время.

Мы с Джоном усаживаемся на скамью на Главной улице. Осенний воздух пропитан ароматом горячей помадки. Смотрим, как мимо проходят семейства в шортах и толстовках, едят рожки мороженого, болтают, смеются расслабленно, легко, голоса беззаботные — люди отдыхают.

— Тут хорошо, — говорит Джон. Первые слова с тех пор, как мы добрались сюда. — Мы дома?

— Нет, но тут хорошо, — отвечаю я.

Джон всюду спрашивает, дома ли он. Проблемы с памятью начались года четыре назад, хотя кое-какие

симптомы появились раньше, но в последний год стало заметно хуже. У него это был долгий процесс (у меня то все случилось недавно). Мне говорили, что в целом нам повезло, правда, не вижу, в чем тут везение. Если сравнить разум Джона с исписанной классной доской, то сначала медленно смывались губкой углы, потом кромка, потом края, образовавшиеся после исчезновения первых краев, так получился большой круг, а потом круг становился все меньше и меньше, пропадая в воронке. Теперь оставались лишь смазанные обрывки воспоминаний там-сям, где губка не счистила все, и эти воспоминания мне приходится выслушивать снова и снова. Изредка Джон может опаматоваться настолько, что замечает, как много забыл из нашей совместной жизни, однако такие моменты случаются все реже и реже. Джона собственная забывчивость злит, а меня его злость ободряет — значит, он все еще по эту сторону, здесь, со мной. Но чаще его здесь нет. Ничего страшного. Я — хранительница воспоминаний.

Ночью Джон спит на удивление крепко, а я глаз не смыкаю. Читаю, смотрю какие-то ерундовые ночные ток-шоу по крохотному телевизору с батарейками. Компанию мне составляет только собственный парик на пенопластовой подставке. Мы с ним сидим в голубом мерцании, прислушиваясь к болтовне Джея Лено сквозь храп Джона (ох, его аденоиды). Не беда. Все равно больше двух часов подряд не просплю, и на мне это

особо не сказывается. Сон превратился в роскошь, которую я редко могу себе позволить.

Джон оставил бумажник, мелочь и ключи на столе, как дома. Я беру в руки массивный, полинявший от пота кожаный кирпич, раскрываю. От него пахнет сыростью, что-то липко шуршит, когда я перебираю содержимое. Такой же беспорядок представляется мне и в голове у Джона — все перепутано, что-то с чем-то склеилось, куда-то завалилось; я видела подобные картинки в медицинских журналах, пока ждала в приемной очередного врача. Внутри бумажника — какие-то обрывки с неразборчивыми строчками, визитки давно умерших знакомцев, запасной ключ от проданного несколько лет назад автомобиля, старая карточка медицинского страхования рядом с новой. Лет десять Джон не наводил тут порядок. Как он сидит на разбухшем бумажнике? То-то спина у него вечно болит.

Я сую пальцы в одно из отделений и натыкаюсь на сложенный вдвое листок. В отличие от всего прочего, он вроде бы попал сюда недавно. Разворачиваю бумажку и вижу, что это вырванная откуда-то иллюстрация. Поначалу ее можно принять за семейное фото — все выстроились рядком на крыльце, — только я никого из этих людей не знаю. Отогнув размахившийся угол, обнаруживаю подпись:

“От друзей из «Паблицерз Клиринг хауз»”

Тут требуется пояснение. Еще в начале своего недуга Джон зациклился на “Клиринг хаузе”, участвовал во всех розыгрышах и нечаянно подписал нас на мно-

жество ненужных журналов — “Тинейджеры”, “Внедорожник”, “Модный хорь”. Вскоре сукины дети стали присылать нам по три письма в неделю. А поскольку Джону все труднее справляться с инструкциями, вскрытые и недочитанные предложения так и накапливаются стопка за стопкой.

Не сразу, но довольно быстро я понимаю, зачем Джон спрятал эту фотографию в бумажник. Он думает, это и есть его семья. Я смеюсь. Смеюсь так громко, что боюсь, не разбужу ли Джона. Смеюсь и смеюсь, пока слезы не потекли. А потом рву фотографию на сотню мельчайших клочков.